

**Книги
АЛЬБЕРТА
САНЧЕСА ПИНЬОЛЯ,
опубликованные
Издательством АЗБУКА**

**Побежденный
Горе побежденному**

**Холодная кожа
Молитва к Прозерпине**

**АЛЬБЕРТ
САНЧЕС ПИНЬОЛЬ**

ГОРЕ ПОБЕЖДЕННОМУ

Издательство «Азбука»
Санкт-Петербург

УДК 821.134.2
ББК 84(4Исп)-44
С 18

Albert Sánchez Piñol
VAE VICTUS
Copyright © Albert Sánchez Piñol, 2015
All rights reserved

Перевод с испанского Нины Авровой-Раабен
Оформление обложки Вадима Пожидаева-мл.

ISBN 978-5-389-28115-8

© Н. Аврова-Раабен, перевод, 2026
© Издание на русском языке, оформление.
ООО «Издательство АЗБУКА», 2026
Издательство Азбука®

Введение

Все исследователи произведений Марти Сувирии сходятся в одном: Вальтрауд Шпёринг, записавшая их под его диктовку, должна быть причислена к лику святых литературы восемнадцатого века.

Шпёринг не только запечатлела на более чем шести-стах страницах каталонскую эпопею, о которой повествуется в «Побежденном», — она осталась верна автору и после этого титанического труда. Несмотря на отвратительный характер Сувирии, Вальтрауд Шпёринг продолжила запись рассказов каталонского изгнанника, чья долгая жизнь, подобно мосту, перекинулась через бурное восемнадцатое столетие, от самого начала и до самого его конца. Кажется невероятным, что Шпёринг удалось, несмотря на преклонный возраст нашего героя и его обыкновение растекаться мыслью по древу, превратить эти пространные словоизлияния в более или менее последовательные рассказы.

Сувирийское наследие (или, может быть, точнее было бы назвать его «Шпёринговым») еще предстоит исследовать до конца. Но пока этого не произошло, мы решили объединить под одной обложкой четыре повествования, которые, как нам кажется, дополняют историю, рассказанную в «Побежденном», потому что связаны с ней либо тематически, либо хронологически.

Первое из них, «*Americanus*» («Американский эпизод»), рассказывает нам о том, что случилось с Марти Сувирией

сразу после падения Барселоны 11 сентября 1714 года. Судьба распорядилась им не так, как прочими каталонскими изгнанниками, и забросила его не в Вену, а на другой край света — в английские колонии Америки. Там он оказался вовлеченным в малоизвестный нам конфликт, называемый ныне Ямасийской войной 1715–1717 годов. Благодаря рассказу Сувирии нам представляется возможность узнать подробности событий, которые привели к тому, что индейцы завоевали второй по значению город Южной Каролины и были близки к окончательной победе над колонистами.

Остальные три рассказа, не такие длинные, как первый, мы решили добавить в эту книгу, поскольку они дополняют общую картину с точки зрения повествовательной или исторической.

Во втором рассказе, «*Hispaniensis*» («Испанский эпизод»), мы встречаемся с Сувирией, когда он, возвратившись из Америки, сразу попадает в лапы своего заклятого врага Йориса ван Вербома (Антверпен, 1665 — Барселона, 1744). Однако его освобождает другой его враг, с которым у него сложились гораздо более запутанные отношения, — маршал Бервик, покоривший Барселону в 1714 году, предлагает Марти в качестве инженера участвовать вместе с ним в войне, вспыхнувшей между Францией и Испанией в 1719 году. Рассказ «*Hispaniensis*» является редким в литературе восемнадцатого века произведением, в котором описывается фигура Пере Жуана Барсело по прозвищу Каррасклет — знаменитого партизана, сражавшегося с бурбонскими войсками.

Третий рассказ, «*Magna parens*» («Великая среди равных»), повествует о том, как Сувирия навещается в Барселону, чтобы убить своего заклятого врага Йориса ван Вербома. Известия о гибели Вербома в Барселоне в 1744 го-

ду доходили до нас и раньше, но до недавнего времени считалось, что умер он от болезни в своей постели.

Четвертый рассказ, «*Australis*» («Южные земли»), мы решили включить в эту книгу по иной причине. В нем речь не идет о каких-либо важных событиях или личностях, связанных с Барселоной XVIII века, и не содержится развязка какой-нибудь недосказанной Сувирией истории. Однако нам кажется, что это повествование прекрасно дополняет портрет героя — человека, которому, несмотря на все его безумные приключения на протяжении целого столетия, всегда удавалось выходить сухим из воды.

Таково содержание данного тома, но, как мы уже говорили ранее, наследие Сувирии насчитывает несколько тысяч страниц, рассказывающих почти обо всех важных событиях его эпохи. Так, например, если в этой книге лишь мельком упоминается нахождение нашего героя при дворе короля Пруссии, Фридриха Великого, то на страницах его неизданных рукописей данный эпизод описывается подробно, как и участие уже убеленного сединами Сувирии в революционной борьбе в Соединенных Штатах плечом к плечу с Джорджем Вашингтоном.

AMERICANUS
АМЕРИКАНСКИЙ ЭПИЗОД

Повествование о первых днях после падения Барселоны 11 сентября 1714 года, когда город оказался во власти Филиппа Пятого, безумного и подлого французского короля, который покончил с правами каталонцев; в этой главе речь также пойдет о том, как инженеру Марти Сувирии пришлось покинуть сей город и отправиться в изгнание в американскую провинцию Каролина и как, оказавшись в Новом Свете, он был вовлечен в жестокую войну между индейцами и колонистами; именно Сувирия, будучи в нетрезвом состоянии, своими необдуманными словами спровоцировал этот трагический конфликт, в результате которого чуть не погибло все английское население указанной ранее провинции Каролина.

Барселона. 11 сентября 1714 года. Этот день предопределил всю мою дальнейшую жизнь. Генерал Вильяроэль повел нас в последнюю отчаянную атаку, чтобы попытаться отвоевать бастионы, оказавшиеся в руках французов и испанцев. Я участвовал в этой контратаке и должен был погибнуть в тот день. Когда мы шли в наступление, пушечная картечь снесла мне подчистую всю левую половину лица. На ее месте осталась только кровавая дыра. Однако — о чудо Пресвятой Девы Картечи! — мой глаз остался цел. Что же до всего остального, то на месте левой щеки зиял кратер, а все зубы с этой стороны были выбиты. Ухо тоже оторвало. С мясом. Было больно, еще как больно. В памяти сохранились жерло пушки, грохот выстрела и раскаленный металл, рвущий мою плоть. Но что значит минутная боль по сравнению с десятилетиями и десятилетиями отчаяния и скорби? Прошло более семидесяти лет, но за все это долгое время не было ни единого дня, когда бы я не переживал снова и снова то 11 сентября 1714 года. Боль воспоминаний гораздо сильнее, чем боль пережитая.

Меня отнесли в госпиталь Святого Креста вместе со множеством других раненых бойцов. Я помню, как лежал на соломенном матрасе среди сотен несчастных, оказавшихся в этой юдоли страданий, и смотрел на высоченные стрельчатые арки древних сводов. Об израненной

половине моего лица могу только сказать, что урон ей был нанесен такой ужасный, что монахини закрыли ее слоем бинтов, а сверху положили кусок мешковины, чтобы не оскорблять посторонних взглядов.

Считается, будто поражение означает потерю оружия и укреплений и необходимость поднять вверх пустые руки и сдаться, но те, кто так говорит, никогда не проигрывали сражений. Нет, это еще не самое страшное. Я объясню вам, что означает потерпеть поражение: побежденный впадает в такое отчаяние, что теряет даже те убеждения, которые раньше вдохновляли его на борьбу. Среди тысяч погибших в те дни была женщина, которую я любил, и усыновленный мною мальчик. Я посмотрел на горящие развалины города и содрогнулся от мысли: «А что, если в конечном счете противостоять врагу с его штыками и пушками было безумной и бессмысленной затеей? А коли так, разве не стал я сам соучастником преступления и виновником их смертей?»

Поражение, подобно пауку, сжимает наше сердце восьмью своими холодными лапами. В этом, именно в этом и заключается его суть: враг добивается того, что мы начинаем сомневаться в нашей правоте.

* * *

Потеря крови и болеутоляющий отвар подействовали: я ослабел и пребывал в полусне. Мне казалось, будто я парю на своем матрасе. Крики боли других пациентов, солдат, которым ампутировали руки и ноги в операционных залах, сливались в постоянный шум, точно рядом был водопад. Но меня все это не касалось, их боль для меня не существовала, словно они находились где-то далеко-далеко. Даже воспоминание об Амелис и Анфане

стало каким-то туманным и расплывчатым. Слава белладонне!

Как я уже говорил, меня ранили около полудня 11 сентября. Я лежал, забинтованный и одурманенный, весь остаток этого дня и добрую половину ночи. До рассвета оставалось совсем немного времени, когда чья-то рука стала трясти меня за плечо, пытаюсь разбудить.

— Подполковник Сувирия, подполковник...

Виновником моего пробуждения оказался какой-то капитан. Он склонился надо мной и смотрел уважительно, зажав под мышкой свою треуголку.

— Подполковник, — продолжил он, — вы можете двигаться, сможете пойти со мной? Я должен передать вам приказ.

В моем тогдашнем состоянии я с трудом отличал его голос от собственных наваждений и бредовых мыслей.

— Позвольте мне сообщить вам, как обстоят дела, — продолжил капитан. — Мы направили в штаб бурбонской армии делегацию, чтобы обсудить условия капитуляции. Они не хотят уступить нам ни в чем и требуют, чтобы мы сдались «на милость победителя».

Я моментально пришел в себя и, вспомнив о своей ране, потрогал пальцами бинты, скрывавшие лицо, навек обреченное на чудовищное уродство.

— Сеньор, — продолжил капитан, — городской совет принял решение послать вторую делегацию для обсуждения условий капитуляции с маршалом Бервиком. Необходимо добиться того, чтобы условие сдачи города «на милость победителя» было отменено.

— А зачем вы мне все это рассказываете? — рявкнул я, разозлившись на этого капитана, который вырвал меня из утешительного дурмана белладонны.

— Потому что было решено, что вы будете четвертым парламентом делегации.

— Оставьте меня в покое! — отрезал я. — Я ранен, лишился половины лица и потерял больше крови, чем Христос на кресте. Кроме того, я инженер, а не опытный парламентар.

— Подполковник, — настаивал капитан, — мы все сегодня что-то или кого-то потеряли, но сейчас надо думать о судьбе города. Я повторяю: вы способны встать на ноги?

— Я не намерен ничего кланяться у Джимми! — закричал я. — Немедленно убирайтесь отсюда!

Возможно, капитан не понял, что, говоря «Джимми», я имел в виду Бервика, но мой отказ показался ему окончательным и бесповоротным. Офицер грустно покачал головой.

— Как вам будет угодно, — вздохнул он. — Я доложу, что ваше нынешнее состояние не позволяет вам выполнить приказ.

И он пошел к выходу широкими шагами.

— Докладывайте что хотите, — произнес я с трудом. — Мне совершенно безразлично, какого будут обо мне мнения в Женералитате...

Хотя капитан уже отошел от меня на несколько шагов, он услышал мои слова и на ходу сказал:

— Это приказ не Женералитата, а генерала Вильяроэля, который лежит раненый у себя дома. Именно он настаивал на вашем участии в делегации. Я доложу ему, что вы не можете выполнить его распоряжение.

Вильяроэль? Антонио де Вильяроэль? Я завопил так громко, что половина раненых перестали стонать на своих тюфяках и уставились на меня. Капитан остановился и обернулся, потрясенный моим поведением.

— Вы так и собираетесь стоять столбом и ничего не делать? — укорил его я. — Я ранен, — по крайней мере, помогите мне встать на ноги, *collons*.

* * *

Мы вчетвером в полном молчании вступили на полосу земли, лежавшую между каталонскими и бурбонскими позициями, и, когда я покинул нашу сторону, меня одолело смятение.

Было еще совершенно темно, и казалось, что солнце никогда больше не взойдет, а следующий день, 12 сентября, никогда не наступит. Все вокруг замерло, и на этой ничейной земле единственным живым существом был какой-то хромой, голодный пес, чьи выпирающие ребра напоминали кузнечные меха. Одна передняя лапа у него была сломана и безжизненно висела, поэтому передвигался он, подпрыгивая, и на ходу обнюхивал попадавшиеся на пути трупы. Я не мог отвести глаз от этого пса и невольно повторял про себя вопрос, который пришел бы в голову любому барселонцу в те дни: «Как это он ухитрился прятаться так, что за целый год осады его никто не съел?» От мрака вокруг, потери крови и остатков белладонны в организме я чувствовал себя запутавшимся и отупевшим и словно парил над землей, оставив свое тело где-то внизу. Но в то же время я помню треск и скрежет каких-то обломков под нашими ногами. Несмотря на дождь, который лил несколько дней, от камней еще поднимался пар. Земля была усеяна самыми разными предметами, оставшимися после сражения: здесь были и орудийные передки, и рассыпавшиеся фашины, всякий брошенный хлам, камни и балки, оружие, пришедшее в негодность или ничуть не пострадавшее... а еще мертвецы, множество мертвецов, которых никто не предал земле. Лица одних казались спокойными и, можно сказать, первозданными, словно смерть настигла их внезапно и была безболезненной. Другие тела и лица — о, какая поразительная разница — казались высохшими мумиями,

словно пролежали здесь, под открытым небом, много веков. Но эти картины оставили нас равнодушными: осада Барселоны длилась так долго, мы пережили за это время столько ужасов, несчастий и невзгод, что в конце концов привыкли к самому страшному. Нет, не от темноты, не от картин смерти и разрушений сжались сердца четырех подавленных парламентаров — их поразила неожиданная тишина. Казалось невероятным, что после такой яростной битвы теперь царило свинцовое всеобъемлющее безмолвие, что после стольких принесенных в жертву жизней и таких бешеных страстей над тем же самым местом, где люди сражались так отчаянно, теперь навис полог могильного покоя.

Противники договорились образовать коридор между своими позициями, который заканчивался у расположения кастильской армии. Мне это не понравилось: французы не испытывали к нам личной неприязни, а вот среди кастильцев вполне мог найтись какой-нибудь злопамятный солдат или фанатичный офицер, которому никакие правила вежливости не смогли бы помешать встретить нас метким выстрелом. Однако ничего подобного не случилось. Мы подошли к их укреплениям, где из-за парпетов выглядывали сотни ружейных дул, и я сразу почувствовал, что они настроены совсем иначе. Эти солдаты в белых мундирах смотрели на нас, не мигая, как завороченные, словно мы были какими-то невиданными существами, упавшими с небес. Мне стало ясно: они скорее испытывали облегчение, видя, что бои закончились, чем презирали или ненавидели нас.

Нам навстречу вышел бригадный генерал. Оказавшись лицом к лицу с врагом, стоя рядом с ним, я осознал вдруг, на что решился: мне предстояло сейчас очутиться в логовище Джимми, того самого Джимми, которого я обма-

нул и предал. Все мои натренированные органы чувств исследовали кастильского офицера, и я понял, что передо мной честный и благородный человек. Трое моих спутников уже оказались за парашютом бурбонских войск, а я задержался в двух шагах от этой границы.

— Генерал, — резким тоном произнес я, — мы пришли сюда вчетвером. Кто может дать мне честное слово, что вернемся мы тоже вчетвером?

К моему удивлению, в ответ офицер достал шпагу из ножен. Я подумал было, что он собирается сделать что-то ужасное: например, отхватить мне единственную оставшуюся в наличии щеку. Но он поступил иначе: поднял шпагу к лицу так, что ее рукоять оказалась перед его глазами, и торжественно произнес:

— Идите спокойно, сеньор. На этом кресте я клянусь вам, что вам ничего не грозит¹.

Нас отвели в палатку, разбитую только что между второй и третьей параллелями Наступательной Траншеи. Джимми был там. Все офицеры и прочие его подчиненные стояли столбом, пока он, восседая на некоем подобии трона, подписывал депеши. То есть на самом деле он ничего не подписывал, а просто изображал из себя чрезвычайно занятого человека, чтобы мы поняли, что эти бумажки были для него гораздо важнее нас, и поэтому, когда мы вошли, Бервик даже не удостоил нас взглядом.

¹ В докладе Проспера ван Вербома о капитуляции города говорится следующее: «Le lendemain 12 avant le jour, quatre personnes arrivèrent a nos gardes avancées, Disant qu'ils portaient la reponse de la résolution que l'on avoit pris dans le Conseil de Barcelone, C'etait le Colonel Don Juan Francisco Ferrer et Jacinto Oliver, et Mariano Durand pour la ville, acompagnez de l'Aide de Camp de Mr. De Villaroel». Этот самый адъютант не мог быть никем иным, кроме как Марти Сувирией. Возможно, Вербом не назвал его имени, поскольку ненавидел этого человека лютой ненавистью. — *Здесь и далее примечания автора. Примечания переводчика, в том числе перевод иноязычных слов и фрагментов, вы найдете в конце книги.*

По правде говоря, он и словом нас не удостоил: к нам обратился один из его генералов — высоченный и толстый тип, скорее похожий на матерого преступника, чем на утонченного офицера. Зная Джимми, я не сомневался, что он позвал самого отвратительного громилу войска Двух Корон и опоясал его генеральским кушаком, только чтобы запугать нас.

— Ну что? — начал свою речь этот переодетый головорез. — Вы принесли подписанный документ о сдаче города?

Трое моих спутников попытались ему возражать, но громила их перебил:

— В городе уже сейчас тридцать тысяч наших солдат! Как вы думаете, что случится, если мы будем вынуждены атаковать город снова?

— В этом случае мы превратим Рамблас в окопы, — заявил Феррер, — а если вы попытаетесь перейти эту границу, город достанется мертвецам.

— Бунтовщиков возглавляют варвары! — заорал головорез Бервика.

— Варвары? — переспросил Феррер. — Но коль уж вы такие цивилизованные, то почему настаиваете на сдаче города на милость победителя?

Пока три парламентаря и офицеры бурбонской армии укоряли друг друга, случилось кое-что важное: Джимми заметил меня, и наши взгляды встретились.

Вильяроэль поступил очень мудро, отправив меня вместе с делегацией. Суви-молодцу не надо было даже рта открывать: само мое присутствие напоминало Джимми о том, что на свете существовало нечто ему недоступное, не поддающееся его контролю, не подчиняющееся его власти. Мы молча смотрели друг на друга. Моя дерзость лишила его уверенности в себе. Что мне там было

нужно? Каково ему было узнать, что я не погиб? Я прекрасно понимал порывы его по-женски капризной натуры: существование любых свободных от его власти островков приводило Бервика в неистовство, а я как раз был таким островком за пределами его империи. Он какое-то время наблюдал за мной, не обращая внимания на разговоры вокруг, но потом мое израненное лицо, мой дерзкий и пристальный взгляд, в котором не было и тени смирения, сделали свое дело. Джимми не выдержал, бросил в воздух свои бумаги и завопил:

— Довольно! Довольно!

Все присутствующие сочли, что это «довольно» относилось к спору между бурбонскими генералами и барселонцами, и сразу смолкли. Воцарившаяся вокруг тишина в первую очередь поразила самого Джимми. Он посмотрел на участников спора и, наконец, снова вошел в роль победоносного маршала и стал поучать каталонцев:

— Я думаю, что вы не отдадите себе отчета в том, какое страшное преступление совершили против своего короля, — заявил он. — Моей армии дано право убить горожан и разграбить город, не принимая во внимание права собственности и не жалея ничьих жизней, будь то мужчины или женщины. — Конец этой фразы Бервик повторил еще раз, облизывая губы: — Будь то мужчины или женщины.

В эту минуту Джимми казался змеей в человеческом обличье. Он отдавал себе отчет в том, какой ужас внушал его взгляд, и, поднявшись, заговорил другим тоном.

— И однако, — продолжал Бервик, — ваш король столь милосерден, что готов принять капитуляцию на следующих условиях: жизни горожан и их собственность будут сохранены, граждане, взявшие в руки оружие, вернутся в свои дома. Что же касается офицеров, их жизни и честь не пострадают, они смогут сохранить свое оружие и не подвергнутся суду. Вы довольны?

Я никак не ожидал столь выгодных условий. Естественно, им руководило не великодушие, а здравый политический расчет: Джимми был потрясен гибелью сотен своих солдат и понимал, что новое наступление привело бы к еще более страшным потерям. Что выиграла бы его репутация от этой новой бойни? К тому же, как хороший политик, он понимал необходимость предложить противнику разумные условия капитуляции.

Один из членов каталонской делегации — не помню точно кто — шагнул вперед и сказал:

— И пусть будут сохранены наши Свободы и Конституции.

Вместо ответа Джимми опустился на свой миниатюрный трон и, снова погрузившись в чтение депеш, произнес:

— И не мечтайте об этом... — А потом повторил: — И не мечтайте¹.

Не отрывая взгляда от бумаг, он царственным жестом указал парламентарам на дверь: аудиенция закончилась. Но в последний момент вдруг спросил, словно эта мысль пришла ему в голову только сейчас и большого значения не имела:

— Минуточку. Нет ли среди вас инженера?

Трое делегатов посмотрели на меня.

— Не уходите, — сказал Джимми. — Мне нужно уточнить некоторые технические подробности.

— От моих ран, *sîre*, у меня начался жар, — извинился я. — От боли у меня темнеет в глазах, и если я не получу в самом ближайшем времени новую дозу белладонны, то скоро начну вопить от судорог. Кроме того, мне трудно говорить: картечь изранила мое лицо, и я не могу как сле-

¹ Он выразился именно так. Эти слова приводит автор хроники: «Mr. le maréchal par sa douceur ordnaire, au lieu de s'indigner répondit, qu'ils ni songeaient pas».

Санчес Пиньоль А.

С 18 Горе побежденному : роман / Альберт Санчес Пиньоль ; пер. с исп. Н. Авровой-Раабен. — СПб. : Азбука, Издательство АЗБУКА, 2026. — 544 с. : ил. — (Большой роман).

ISBN 978-5-389-28115-8

Независимой Каталонии настал конец, Барселона пала, по улицам рыщут солдаты бурбонской армии, участникам обороны города грозит арест. Барселонец Марти Сувирия — совестливый плут, невольный предатель и трусливый герой, последний ученик великого французского теоретика фортификации Себастьяна де Вобана, член уникального братства военных инженеров, будущий желчный мемуарист, а пока что раненый солдат, потерявший все, — бежит из Барселоны. Однако места назначения он достигнет не сразу: некоторым людям семь верст не крюк, поэтому путь Сувирии из Каталонии в Вену лежит через Южную Каролину (где он поучаствует в очередной войне, с блеском возьмет город, найдет новую любовь и едва не погибнет), а затем через Францию (где его жизнь обернется еще интереснее). Кроме того, впереди его ждет грандиозное отмщение заклятому врагу и путешествие на край света...

Альберт Санчес Пиньоль — ученый-антрополог, одна из крупнейших и наиболее самобытных звезд каталанской литературы. Его роман «Побежденный», первая книга о Марти Сувирии, авантурный роман, военный эпик и высокая трагедия, в Испании разошелся тиражом более 250 тысяч экземпляров, был переведен на 16 языков и получил премию газеты *El Periódico*. «Горе побежденному» — ослепительное продолжение «Побежденного», плутовская сага в лучших традициях «Жиль Бласа», «Симплициссимуса» и «Похождений бравого солдата Швейка», эпический трагифарс, охватывающий всю европейскую политику XVIII века, и история похождений авантюриста поневоле, циника и зубоскала, который лишился любимых, дома, родины, но не утратил таланта смеяться.

Впервые на русском!

УДК 821.134.2

ББК 84(4Исп)-44

АЛЬБЕРТ САНЧЕС ПИНЬОЛЬ

ГОРЕ ПОБЕЖДЕННОМУ

Ответственный редактор Анастасия Грызунова
Редактор Екатерина Гадаева
Художественный редактор Вадим Пожидаев-мл.
Технический редактор Мария Антипова
Компьютерная верстка Ирины Варламовой
Корректоры Гузель Зайдуллина, Ульяна Смирнова

Подписано в печать / Баспаға қол қойылды 15.01.2026.
Формат издания 60 × 88 ¹/₁₆. Печать офсетная. Тираж 3000 экз.
Усл. печ. л. 33,32. Заказ №

Изготовитель:	Өндіруші:
ООО «Издательство АЗБУКА» —	«АЗБУКА Баспасы» ЖШҚ —
обладатель товарного знака АЗБУКА®,	АЗБУКА® тауар белгісінің иесі,
115093, Москва, вн. тер. г.	115093, Мәскеу, қ. іш. аум.
муниципальный округ Даниловский,	Даниловский муниципалдық округі,
пер. Партийный, д. 1, к. 25	Партийный т.ш., 1-үй, к. 25
Тел. (495) 933-76-01, факс (495) 933-76-19	Тел. (495) 933-76-01, факс (495) 933-76-19
E-mail: sales@atticus-group.ru	E-mail: sales@atticus-group.ru
Филиал ООО «Издательство АЗБУКА»	Санкт-Петербург қ.,
в г. Санкт-Петербурге,	«АЗБУКА Баспасы» ЖШҚ филиалы,
191024, Санкт-Петербург,	191024, Санкт-Петербург,
Херсонская ул., д. 12–14, лит. А	Херсон көшесі, 12–14 үй, лит. А
Тел. (812) 327-04-55	Тел. (812) 327-04-55
E-mail: trade@azbooka.spb.ru	E-mail: trade@azbooka.spb.ru
www.azbooka.ru	www.azbooka.ru
Отпечатано в России.	Ресейде басып шығарылған.

Техникалық реттеу туралы РФ заңнамасына сай басылымның сәйкестігін
растау туралы мәліметтерді мына адрес бойынша алуға болады:
<https://certification.atticus-group.ru/>

Знак информационной продукции
(Федеральный закон № 436-ФЗ от 29.12.2010 г.)
Ақпараттық өнім белгісі
(29.12.2010 ж. № 436-ФЗ федералдық заң)

Отпечатано в соответствии с предоставленными материалами
в ООО «ИПК Парето-Принт».
170546, Тверская область, Промышленная зона Боровлево-1, комплекс № 3А.
www.pareto-print.ru

Y-BRM-34713-01-R